
ВОЙНА В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

И.И. КАЛИГАНОВ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ ОТ ТУРОК В 1877–1878 ГГ. ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА (СВЯЩЕННИКА 3-Й ГРЕНАДЕРСКОЙ ДИВИЗИИ ВАКХА ГУРЬЕВА)

Abstract:

Kaliganov I.I. *The Liberation of Bulgaria from Turkey in 1877–1878 seen by a witness — the rural dean of the 3rd Grenadier division Vakh Gurjev*

The article analyses the perception of Bulgaria and the Bulgarians by a participant in the Russo-Turkish war of 1877–1878, a rural dean Vakh Gurjev. His letters from Bulgaria, addressed to his wife, are a unique and precious historical source on the country of that time, its cities, villages, folk customs, everyday and religious life.

Ключевые слова: Освобождение Болгарии, страна и болгары в русском восприятии, города и села, народный быт, обычаи и религиозная жизнь.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., принеся освобождение Болгарии от турок, оставила глубокий след в сознании русских людей. Она запечатлелась в огромном количестве письменных и не письменных источников: в военных сводках и отчетах, сочинениях военных историков, воспоминаниях ее участников в виде писем, документальных очерков, рассказов, повестей и романов, в стихотворениях поэтов и картинах художников. В данной статье я хотел бы коснуться писем одного из участников этой войны, благочинного* 3-й гренадерской дивизии Вакха Васильевича Гурьева (1830–1890), находившего в Болгарии около полугода в период военных действий в подвижном дивизионном лазарете. Письма Гурьева супруге из Болгарии того времени являются редким источником в том смысле, что их автор, в силу своей профессии и призвания, всегда был на равных с простыми русскими солдатами, болгарскими крестья-

* Благочинный — священник, служащий в нескольких приходах

нами, священниками и торговцами. Он не был отдален от них сословной дистанцией, как, например, другой участник событий генерал, лейб-медик С.П. Боткин¹. И у Вакха Васильевича было больше свободного времени и сил, чем у русских врачей, медсестер и санитаров, падающих с ног от бесконечного потока раненых. В отличие от них, у Гурьева была возможность осмыслить и обобщить увиденное им за день и писать по свежим следам еще не остывших впечатлений. Делал он это довольно регулярно, публикуя свои письма сначала в журнальном варианте, а затем издав их отдельной книгой². Содержащие в ней разнообразные сведения отобраны нами по нескольким тематическим направлениям: Болгария и болгары, отношения между ними и русскими людьми, болгарский быт, народные обычаи и религиозная жизнь.

Болгарскую землю Гурьев впервые увидел 9 октября 1877 г. при переправе дивизионного лазарета через Дунай. Он написал, что это — большая, величественная река с красивым правым нагорным берегом³. Особых восторгов тогда, правда, Гурьев не испытал, как всякий человек, который прежде успел бы полюбоваться безграничной водной ширью, образуемой слиянием Оби и Иртыша у Самары, или восхититься высокими скальными берегами Бии и Катуня на Алтае. А у него такая возможность была, потому что ранее он несколько лет прожил в Сибири, служа в Знаменском соборе Томска. Гораздо больше Гурьева поразила красота и ажурность моста через Дунай, сооруженного нашими саперами у Свиштова (Систова). Здесь надо отметить, что Дунай в этом месте заметно сужается, и именно по этой причине русское командование решило устроить здесь переправу на противоположный турецкий берег⁴. Видимо, поэтому не видевший разливов Дуная выше или ниже по течению Гурьев был столь сдержан в своих оценках.

Писатель отмечал почти полную безлюдность болгарского Придунавья. Складывалось такое ощущение, что, кроме него и солдат, в этой ледяной пустыне никого больше нет. Одни только разрушенные дотла деревушки свидетельствовали о прежде кипевшей здесь жизни. Теперь же от нее остались только дымящиеся развалины, кучи мусора и пепла, да стаи одичавших собак. Они встречали и провожали проходившие мимо них русские полки пронзительным лаем, от которого становилось одновременно и жутко, и грустно. Солдатам нередко приходилось шагать под хлещущим дождем, от которого они спустя несколько минут промокали до нитки. Тогда происходила быстрая метаморфоза: сотни недавно веселых, здоровых и бодрых людей превращались в какие-то полусогнутые, скукожившиеся фигуры с недовольными, озлобленными лицами⁵. Болгарский климат оказался очень необычным: днем так тепло, что ходи хоть в одной сорочке, а наступит вечер — надевай шубу и полушубок. Спасали

лишь горячий чай и коньяк, если они у тебя имелись. Солдаты, спавшие в палатках, не снимали верхнюю одежду, поскольку ночью ужасно дуло. А для большинства единственной альтернативой ночевке на мерзлой земле были скирда сена или снопы, куда они зарывались с головой⁶.

Подвижной лазарет проезжал через местечко Овча Могила — небольшую деревушку подле огромного одноименного кургана. Болгарские «братушки» встретили там наших солдат неприветливо⁷ по причине, которую Гурьев посчитал резонной. Через деревню в течение нескольких месяцев прошло множество русских и румынских солдат, которые обирали крестьян подчистую. Вначале они выгребли их семейные съестные припасы и зимние заготовки, а затем стали тащить всё, что под руку попадалось. Но в Овчей Могиле дивизионный лазарет не задержался — более продолжительной была остановка в Трыстенике, небольшом селении с каменной церковью, приходской школой и несколькими домиками из земляных кирпичей и с черепичными кровлями. Все остальные строения представляли собой землянки, в которых болгары обитали вместе с буйволами, коровами, лошадьми и прочей домашней живностью. Дворы вокруг них были огорожены не плетнями или заборами, а глубокими канавами с высокими насыпями. Ворота в них отсутствовали. В дворах имелось много злых собак, истошно лаявших на чужаков⁸.

Церковь была разрушена, как и многие болгарские христианские храмы. Болгарские священники жили едва ли не беднее их паствы. Прием, устроенный Гурьеву местным священником Стояном, был очень скудным. Всё происходило следующим образом. Старая попадьа вошла в комнату с миской дымящейся мамалыги, а вслед за ней босоногая внучка сразу же внесла низенький круглый столик, за которым и происходила трапеза. Горячая мамалыга была обильно сдобрена бараньим жиром и красным лютым перцем, обжигавшим горло до слез. Ложек, по свидетельству Гурьева, болгары не знают, и поэтому ему пришлось угощаться при помощи ломтей хлеба, черпая ими кашу из миски. Желая отблагодарить хозяев за угощение, Гурьев достал серебряный рубль для попадьи и двухфранковую монету для внучки. Те по обычаю долго отказывались и лишь после его слов, что деньги даются хозяевам «на память», стыдливо приняли от него вознаграждение⁹.

По наблюдению Гурьева, многовековое турецкое иго и притеснения православных привели в Болгарии к ослаблению церковных традиций. Из богослужебных книг у о. Стояна в наличии оказался лишь Великий Требник московской печати на церковнославянском языке. Гурьев попросил болгарина почитать Требник и пришел к выводу, что читает тот правильно, но не всегда улавливает смысл читаемого. Одновременно он отметил, что болгары, как правило, понимают древний славянский язык, поскольку

много слов из него уцелело в нынешнем болгарском живом языке. При виде убогого, потертого священнического облачения о. Стояна, у Гурьева к горлу комом подступили слезы. Болгарский священник при этом горестно покачал головой, пытаясь объяснить на ломанном языке, что «всичко турек забирал»¹⁰. Не мудрено, что авторитет христианской церкви стране в результате многовекового ига упал. Когда Гурьев в полном священническом облачении с крестом в руках и песнопениями двигался среди болгар, те не снимали шапок, не крестились и не прикладывались к кресту, причем не только молодые, но и старики. Он узнал, что болгары не крестят своих дочерей до 14–15 лет из опасения, что их могут взять замуж турки и заставить принять в ислам¹¹.

В Трыстенике на Гурьева произвел впечатление болгарский обычай почитания мертвых. По его словам, болгары регулярно посещают и поливают водой свежие могилы в изголовье покойника¹² — ритуал, возможно имеющий какие-то древние языческие корни. По мнению Гурьева, данный ритуал для знакомых и родственников почившего хорош тем, что побуждает их таким образом выражать сочувствие к усопшим и не утрачивать с ними духовную связь. На протяжении целого месяца Гурьев ежедневно встречал у кладбища какую-либо болгарскую старушку, каждый раз с большим кувшином свежей воды. А затем обнаруживал, что все могилы погребенных накануне русских солдат политы и в изголовье могильных холмиков возложены сухие васильки и чернобривыцы-бархатки. Этот обычай растрогал Гурьева до слез¹³.

Другой обычай, привлечший внимание Гурьева, был связан с болгарским способом оповещения односельчан о смерти кого-либо из домашних. Он рассказал, как однажды был разбужен около 5 часов утра истошным женским криком, раздававшимся у окон хаты, где его определили на постой. Кричавшей оказалась хозяйка его дома, у которой накануне умер 19-летний сын Михаил. Ее надрывные причитания «Мико, Мико, мой Мико!» с небольшими перерывами продолжались несколько часов. На вопли убитой горем матери приходили родственники и односельчане, обнимали и целовали несчастную женщину, присоединялись к ее крикам, а затем посещали почившего на его смертном ложе. Он лежал на рогожке с несколькими тонкими зажженными свечами в правой руке и с какой-то книжечкой из папиросной бумаги в левой. В изголовье у него лежали сухие цветы и листья. Женщины кричали до хрипоты до самого рассвета. Тогда же на крыше хаты укрепили шест с полотенцем — знак, извещавший о смерти неженатого мужчины. Оказалось, что крики у болгар заменяют одиночные удары колокола, которыми в русских деревнях сообщают о чьей-то кончине. При положении Мико в гроб мать насыпала ему на правую руку зерна пшеницы и положила несколько мелких турецких монет «галаганов»¹⁴.

Отпевать покойника должен был уже упомянутый о. Стоян, принесший с собой Требник московской печати. Но отпевание трудно было назвать таковым, поскольку никакого церковного пения, по словам Гурьева, в болгарских деревнях тогда не практиковалось. Именно по этой причине болгары обычно говорят о священнике, что тот не «служит» или «совершает» богослужение в церкви или на кладбище, а «читает». Это относится не только к утрене, но и к обедне, вечерне, молебну или любому другому молитвословию. Читая текст на церковнославянском языке, болгарские священники понимали его лишь частично, не говоря уже о прихожанах, которые и вовсе не в состоянии были уловить смысл монотонно произносимых батюшкой слов. Из-за этого болгарские крестьяне редко ходят в храмы и, если оказываются в них, спешат поставить свечку и вернуться домой. Винить их за это, по мнению Гурьева, было нельзя, поскольку в церкви для них нет ничего привлекательного. Именно поэтому хозяин дома попросил Гурьева похоронить сына по-русски. Нарядные расшитые священнические одежды русского «попа», его сверкающий крест и серебряное паникадило, внятные слова молитвословий и стройное пение певчих произвели на собравшихся болгар сильное впечатление¹⁵.

По возвращении с кладбища люди во дворе дома умершего споласкивали руки у большого костра. Гурьев расспрашивал о смысле этого народного обычая, но не получил вразумительного объяснения. Обедню на праздник Рождества Христова служили не в разрушенной церкви, а в приходской школе. Гурьев тогда заметил, что болгарские прихожане и креститься-то толком не умеют. После обедни был совершен молебен, значение которого Гурьев постарался растолковать болгарам. При этом он осознал, что, если говорить медленно и внятно, почти все прихожане понимают смысл сказанного. Более того, некоторые из них даже сами пытались заговорить по-русски. Болгар очень вдохновили славословия и многолетия русскому императору Александру и всероссийскому, румынскому, сербскому и черногорскому христолюбивому воинству. Когда очередь дошла до защитников их родного Отечества — болгарских ополченцев, болгары пришли в движение, заговорили, стали целовать крест, а при выходе Гурьева из школы устроили ему настоящие овации. Они провожали его до дома, в котором он остановился, с возгласами «Да живеј (т.е. «Да здравствует») Руски цар и руски народ на многая лета!»¹⁶.

В конце рассказа о молебне Гурьев отмечал несправедливость тех, кто укоряет болгар в недружелюбии к русским. По его словам, «это совершенная неправда: нужно только уметь говорить и обращаться с народом, нужно уметь затронуть и вызвать его истинные чувства, а высокомерным отношением, несправедливыми укоризнами, грубостью не вызовешь,

конечно, этих истинных народных чувств»¹⁷. При этом Гурьев оговаривался, что его наблюдения касаются лишь болгарских крестьян, на которых он не мог нахвалиться. Чувства же горожан по отношению к русским освободителям, по его словам, ему были неведомы, потому что в больших болгарских городах он долго вместе с лазаретом не находился. Большим плюсом, по его мнению, было отсутствие в болгарских селах кабаков. Эта неизлечимая семейная язва русских простолюдинов болгарским крестьянам не известна. Их не увидишь пьяными, они отличаются скромностью, сдержанностью, рассудительностью и миролюбивостью. Последнее проявляется как в отношении соседей, так и в собственной семье. Отец семейства обычно бывает образцом доброты, мягкости и гуманности в своих взаимоотношениях с домашними. Он — верный супруг, бесконечно преданный домашнему очагу. К аналогичному выводу пришли врачи и офицеры, которых Гурьев попросил понаблюдать за семейным климатом у болгар¹⁸.

Получив приказ двигаться к Русенскому (Рущукскому) отряду, дивизионный лазарет по пути проезжал через г. Бяла¹⁹. Гурьев отмечал, что данный городишко расположен на шоссейной дороге, ведущей к Пловдиву и Софии. Улицы в нем были грязные, кривые и настолько тесные, что по ним не могут разъехаться две телеги разом. На них находилось огромное количество лавок и лавчонок, заполнявших, кроме того, все переулки и закоулки. Повсюду сновал разнообразный торговый люд: евреи, греки и болгары. Русских купцов не было видно совсем. Положение осложнялось тем, что в городе не имелось ни одной гостиницы, и поэтому путникам пришлось воспользоваться частным постоем. Между делом Гурьеву удалось побывать по служебной надобности в селении Никополь и заглянуть в дом местного священника. Там он стал свидетелем приготовления пищи «по-болгарски», не в печи, как у русских, а по-иному. Он наблюдал за действиями пожилой попадьи с лицом, закутанном белой чадрой, и облаченной в экзотичную для русских одежду: домотканую суконную свитку со шнурками, надетую поверх длинной грубой холщевой рубахи. Женщина сидела у очага, скрестив босые ноги по-турецки, и жарила на огне кусок баранины, держа его за косточку в правой руке. Левой она отмахивалась от трех босоногих мальчуганов, которые стремились завладеть редким для них лакомством. Гурьева поразил картина этой абсолютно безотрадной, безысходной нищеты²⁰.

Затем подвижной лазарет получил предписание двигаться к Плевне, о которой Гурьев сообщал, что это небольшой городишко с узкими, кривыми и грязными улицами. Турок и болгар жило здесь половина на половину. Хозяин-болгарин, в доме которого его разместили, оказался радушным, приветливым человеком, к тому же неплохо говорящим по-

русски. Он хорошо отзывался об Осман-паше — турецком военачальнике, возглавлявшем оборону города от русских. Паша, по словам хозяина, проявил себя великодушным человеком: не позволял турецким солдатам грабить и обижать болгар, расставив на улицах цепь караулов, которые пресекали насилия в городе. Хозяин утверждал, что болгары еще со времен Екатерины Великой верили, что Россия рано или поздно освободит их от турецкого ига. Причем эта вера не ослабевала даже после безуспешных для русских сражений против турок в Болгарии в 1854 г. и временных неудач под Плевной и Казанлыком в нынешнюю войну. Когда до жителей Плевны дошла весть о поражении армии Сулеймана-паши под Шипкой, они испытали настоящий восторг. Не смогли сдержать эмоций даже красивые, статные болгарские матроны, которые обычно двигались величаво и пресекали любую вольность строгостью своего вида. Оказалось, что в глубине души они являлись большими патриотками и искренне болели за свое Отечество.

Массу впечатлений Гурьев получил от пребывания в Ловече (Ловче), куда подвижной лазарет прибыл 30 декабря. Вначале город показался ему суровым, диким и неприглядным, но потом он понял, что впечатление это обманчиво. Некую безжизненность и даже какую-то досадную неприятность Ловечу придавал снежный покров. Когда же он растаял, оказалось, что городок этот очень хорошенький, и с немалым количеством уцелевших европейских каменных домов. Очень красив был крытый мост, перекинутый через реку Осым. При въезде в Ловеч болгары поставили триумфальную арку, украшенную дубовыми и миртовыми ветками. На этом месте они встречали русские войска и своими восклицаниями «Да здравствует русский царь-освободитель Александр II!» вызвали у русских людей прилив патриотизма. В городе имелся Гостиный двор, представлявший собой достаточно светлую галерею с двумя рядами лавок по обе ее стороны. На его прилавках и над ними находилось множество товаров. Такое же расположение лавок имел и Ловечский мост, покрытый высокой деревянной кровлей. Каждая из лавок имела оконце, обращенное в сторону реки, благодаря чему тянущаяся посередине галерея была вся залита светом. Над городом нависала гора, по крутым склонам которой было пробито шоссе²¹.

Дом, в котором расквартировали Гурьева в Ловече, своим устройством отличался от типичных русских домов. Большинство болгарских жилищ имеет светлые сени, замещающие собой русские залы. В них расположено несколько дверей, ведущих в жилые покои. Что же касается гостиной, то она расположена выше этих покоев на две-три ступеньки. К спальне обычно примыкает деревянная домашняя баня площадью 2,5 аршина в квадрате. Внутри в одну из стен вделано два котелка с теп-

лой и горячей водой. Кроме того, здесь имеется ступенька для сидения, тазика и кувшина для обмывания. Отапливается баня при помощи очага, находящегося внизу на кухне. Такое устройство очень рационально, ибо одним ударом здесь «убивают двух зайцев»: варят похлебку «чорбу» и одновременно нагревают воду для бани. Всё это позволяет мыться хоть каждый день. Гурьев, кроме того, добавил, что теплую мыльную воду из бани можно использовать для стирки, мытья рук и полов. В доме поддерживалась идеальная чистота, полы блестели, как стеклышко. Постельное белье в доме всегда пахло свежестью так же, как верхняя одежда домохозяев²².

Следующим примечательным городом в болгарской эпопее дивизионного лазарета явилось Габрово. Гурьев писал, что по своему ландшафту тот очень напоминает Ловеч: раскинулся между огромными горами, и только на севере от него тянется красивая долина. От деревни Драгойлицы (которая послужила местом последней остановки лазарета перед Габрово) дорога поднималась по крутым, поросшим густым лесом горным кряжам, а затем отвесно падала в Габровскую долину. На самой верхней точке пути перед Гурьевым и его спутниками открылся изумительный вид узкого, сдавленного горами ущелья. Из него вырывалась горная река Янтра, прорезавшая Габрово каскадами посередине и образывавшая в его центре великолепный водопад. Шум падающей воды разносился очень далеко в округе и был слышен даже с вершины Ловечского спуска. Вблизи от города путники увидели многотысячную толпу турок, взятых в плен под Шипкой 28 декабря 1877 г. При виде этой колонны, конвоируемой конными и пешими болгарскими ополченцами, местное население пришло в неописуемый восторг. Вчерашние турецкие повелители и господа — ныне пленники недавних рабов! Сам город произвел на Гурьева благоприятное впечатление. Он писал, что Габрово поражает путника красотой и обилием просторных домов, построенных в европейском архитектурном стиле²³.

Удалось Гурьеву увидеть и Габровскую ярмарку — настоящее вавилонское смешение языков! По его словам, это был истинный мир хаоса: в огромной ступе толкалась огромная масса людей, которые воспользовались открытием Шипкинского перевала после изгнания турок и устремились на ярмарку за покупками или продажей крайне необходимых товаров. На перевале и в округе скопилось такое множество людей, лошадей, буйволов, повозок, ящиков и тюков с товарами, что возникли невообразимая давка, толкотня и беспорядок. Все куда-то торопились, нещадно погоняли лошадей и буйволов, кричали, ругались и даже дрались. И, как пишет Гурьев, просто невозможно было понять, кто распоряжался всей этой безостановочной толкотней. Беспорядок усиливали потоки много-

численных беженцев, которые возвращались к своим родным очагам в Казанлыке, Стара-Загоре и в лежащие вокруг них деревни. Они ехали на навьюченных лошадях, в телегах, запряженных буйволами, на выносных осликах или просто шли пешком с узлами, в которых находилось то, что успели взять, спасаясь от турок. В корзинках они несли малых детей, поднимавших дикий ор по поводу и без него²⁴.

Ранее Гурьеву рассказывали, что в Казанлыкской долине за Балканами болгары более религиозны, чем в придунайской Болгарии. Это оказалось правдой, ибо при приближении его в священническом облачении болгары выходили навстречу за ворота и с искренним благоговением прикладывались к кресту. То же самое делали и встречавшиеся по пути крестьяне и горожане: снимали шапки, осеняли себя крестным знаменем и целовали распятое. А дети ходили за русским «попом» по пятам целой толпой, радостно внимая пению наших певчих. В этой части Болгарии, в долинах рек Марицы и Тунджи, влияние турок на болгар было гораздо меньшим, чем в придунайской части страны, и здесь наблюдалось хоть какое-то соблюдение христианских обрядов. О самом Казанлыке Гурьев писал, что город этот больше, чем Габрово и Ловеч, но уступает по величине Софии, Пловдиву и Стара-Загоре (Эски-Загоре). Он дважды подвергался разгрому турок, однако самые большие и красивые дома здесь каким-то образом уцелели. Гурьев сожалел, что не смог остаться в Казанлыке до того времени, когда в знаменитой Долине Роз зацветут эти прекрасные цветы²⁵.

Во второй половине февраля 1878 г. по пути в Адрианополь дивизионный лазарет сделал остановку в Стара-Загоре. Он производил впечатление несчастного, варварски разрушенного города. От дворцов богатых турок и болгарских торговцев остались одни развалины. Но следы прежней роскоши были видны повсюду: фонтаны, колонны, мрамор, арки, чудные сады, бассейны и обломки статуй. Гурьев вместе со спутниками заходили в разрушенные восточные общественные бани и изумлялись их конусообразным потолком, украшенным стеклянными звездами. Поднялись они и на минарет бывшей мечети, которую болгары обратили в христианскую церковь. С него открывался чудесный вид на близлежащие живописные окрестности. Внутри мечети по стенам и на куполе были расположены огромные надписи с цитатами из Корана. В углу помещения был установлен столик, на котором лежали богослужебные книги Московской печати. В церкви царил страшный шум и гам, галдели старухи-болгарки, во время литургии бегали взад-вперед болгарские мальчишки, не снявшие шапок. Всё это еще раз подтверждало уже сделанный Гурьевым вывод об отсутствии церковного благочиния в Болгарии²⁶.

Завершая наш краткий обзор содержания писем священника Вахка Гурьева, необходимо отметить, что диапазон их тематики гораздо богаче и шире представленных здесь материалов. Значительную ценность в письмах имеют наблюдения и выводы их отправителя, касающиеся той страшной цены, которую пришлось заплатить России за освобождение Болгарии от турок. Причем виной тому являлась не турецкая сила, а преступная нерадивость российских чиновных бюрократов и тыловых служб.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Письма из Болгарии 1877 г. С.П. Боткина. СПб., 1893; *Калиганов И.И.* Болгария и болгары глазами участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (художника-баталиста, лейб-медика и казачьего офицера) // *Славянский мир* в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. М., 2016. С. 317–334.

² Письма были напечатаны в журнале «Русский вестник»: 1880. № 2–12, а затем изданы отдельной книгой: *Гурьев В.В.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 1883 [Репринтное издание: М., ГПИБ, 2007].

³ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 15.

⁴ См.: *Калиганов И.И.* Переправа. Начало Освободительной войны 1877–1878 гг. для русской армии // *Родина*. М., 2010. № 11. С. 101–104.

⁵ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 22–23, 35.

⁶ Там же. С. 31, 38.

⁷ Там же. С. 41; О неприветливости болгар, чьи семьи остались без запасов еды, «реквизированных» русскими солдатами, есть сведения в мемуарах многих участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. См., например: *Воейков В.В.* От Дуная до Царьграда. 1877–1878. Записки участника. М., 1890. С. 77; *Окрейц С.С.* На войне и дома. СПб., 1880. С. 118; *Цыганов А.В.* События русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в воспоминаниях художника В.В. Верещагина // Вопросы исторической науки: Материалы Международной научной конференции. М., январь 2012. С. 79–82.

⁸ Там же. С. 38.

⁹ Там же. С. 44.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 43.

¹² Там же. С. 53; См. также: *Крестовский В.В.* Собрание сочинений. Т. 5. Двадцать месяцев в Действующей армии в 1877–1878 гг. СПб., 1879. С. 169–170.

¹³ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 53.

¹⁴ Там же. С. 13; об обряде похорон у болгар см. также: *Крестовский В.В.* Указ. соч.; обряд свадьбы и сватовства см.: *Южаков Е.П.* Один месяц в Болгарии // *Современник*. Т. 84. №. 11. СПб., 1860. С. 216–218. См. также: *Калиганов И.И.* Проблемы истории и культуры славянских народов. М., 2015. С. 213–370 (здесь в разделе «Русские и болгары: взаимное познание» рассматриваются и анализируются такого рода русские и болгарские источники).

¹⁵ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 93–95.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 96; о поведении болгарина в семье см. также: *Крестовский В.В.* Указ. соч. С. 166.

¹⁹ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 17; О г. Бяла см. также: *Соллогуб В.А.* Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1878 г. СПб., 1878. С. 16.

²⁰ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 31, 38.

²¹ Там же. С. 100–102.

²² Там же. С. 102. Об общественной бане у болгар см. также: Воспоминания сестры милосердия С.А. Фон-Кёниг (ныне Чирковой). Дорогим пермцам на память 1877–1878 гг. от их сестры милосердия // Исторический вестник. Год. 36. № 11. Октябрь–декабрь. СПб., 1916. С. 344.

²³ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 106–107, 110–111.

²⁴ Там же. С. 103, 105–106.

²⁵ Там же. С. 141.

²⁶ Там же. С. 175–176.